

**Курбатов С.
Великий Чехов**

Источник: Заря. Харбин, 1934. 8 июня. № 151. С. 2, 7.

В жаркий июльский день 1904 года я, еще гимназистом, сидел на террасе нашей дачи под Костромой. Было очень жарко, ели какую-то крошку, и наконец, отец вытащил из кармана чесунчового пиджака последние газеты:

– Читай!

Я забубнил отцу последние новости из «Русского Слова», отец дремал в плетеном кресле, под жужжание мух, под медленный, задумчивый шорох длинных плетей березы; бездумно вдали сверкала и переливалась под флером июльского марева Кострома, струились от жары желтые пески, по сапфировой Волге брел розовый пароход. И словно мягкий удар разразился надо мной:

– Скончался в Баденвейлере от туберкулеза писатель Чехов...

Чехов! едва ли эта утрата была тогда для моего юношеского сердца не первой значительной утратой... Ну, умирали родственники, старые люди сходили в могилу, покорно и безропотно, как увядают цветы... Ну, погибали наши молодые сверстники гимназисты, то как Совенко, убитый палкой во время лапты, то схвативший крупозное воспаление легких во время февральских теплых и предательских катаний на коньках, как Шабанов. Но тут – умер Чехов, художник Чехов!

Что такое искусство? Искусство – это тот способ, которым художник показывает нам работу организма жизни. Мы живем, мы в самом потоке, в самой толще жизни, но для того, чтобы осознать себя, свои задачи, свои пути в ней – много требуется внимания, осознания, отрыва от себя... Нужно какое-то зеркало, чтобы увидеть самих себя, увидеть и задуматься...

И вот тогда Чехов – окружил нас этими точными зеркалами... Можно сказать, что Чехов – это Пантеон жизни тех 80, 90, 900-х годов русского общества, которое мы еще отчасти помним... Это было наше общество с его прокурорами (вспомните прокурора Милкина), докторами, педагогами, офицерами, священниками и архиереями, фабрикантами и рабочими, гимназистами, студентами и профессорами, актерами и актрисами, дворянами и чиновниками и, наконец, – с мужчинами и прислугой. Мы увидели нашу Пасху, Рождество, масленицу, мы увидели русскую осень, лето, весну, зиму...

В Чехове не было лихих самостреляющих американцев, не было мудрых и старых англичан, не было контрабандистов и конокрадов – но, Боже мой! – каким интересным и захватывающим развернулся перед нами этот немудрящий, близкий мир...

Вот перед вами рассказ небольшой, «чеховский» рассказ «Полинька». Молодая девушка, модистка, приходит в пошлый, галантерейный магазин, где с ней всегда «занимается», то есть отпускает ей товар Николай Тимофеевич, по моде одетый молодой приказчик... Полиньке нужен аграмант. На весь гарнитурчик. Полиньке нужен стеклярусный бок с пуговицами. Полиньке нужны стеклярусные бонбошки... Смешно, какие пустяки нужны этой самой Полиньке, модистке, пришедшей в галантерейный магазин...

Мы улыбнемся, и не будем не правы. Смешно, пустяково смешно. И вот тут-то оказывается, что этим мирным стеклярусом засыпан подлинный яркий огонь душ... Николай Тимофеевич любит Поленьку, и собственно – Поленька любит Николая Тимофеевича. Так в чем дело? – Исайя ликуй, да и все тут! – нет, тут драма женской души: – есть какой-то ловкач-студент, который Поленьке нравится: – женское сердце ведь всегда тяготело к принцам!.. И Поленька понимает, что она перед катастрофой, что она может быть перед гибелью, но ведь –

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья, –
Бессмертья, может быть, залог! – сказал Пушкин.

И на роковой вопрос Николая Тимофеевича:

– Влюблены ведь?

Поленька говорит:

– Да.

И слезы брызжут у нее из глаз... Плачет, плачет вечным плачем женское сердце, сердце Медеи, сердце Катерины из «Грозы», сердце Анны Карениной, сердце их сестры Поленьки, а мимо идет шумная, нелепая, в стеклярусе и аграмантах, жизнь:

– Утрите слезы! – шепчет Николай Трофимович и морщит лицо в улыбку, подавляет свое волнение и громко говорит, чтобы заглушить ее рыдания:

– Есть два сорта кружев, сударыня! Бумажные и шелковые, ориенталь, британские, валаньсен, кроше, торшон, рококо, сутажет, камбре... Ради Бога, утрите слезы, сюда идут...

И видя, что слезы текут все больше и больше, он продолжает громче:

– Испанские, рококо, сутажет, камбре... Чулки фильдекосовые, бумажные, шелковые!..

Юморист Чехов или нет? Или наоборот – он «величайший меланхолик», как Пушкин отзывался о Гоголе?

Так ставит вопросы о Чехове критика. Но какое счастье, что критики не понимают целиком писателя. Потому что если бы критики поняли, положим, Чехова – они бы так изъяснили его, что от него самого бы ничего не осталось...

Но недалеко от подножия Олимпа, между двух скал до сих пор льется кристально-прозрачный, холодный Кастальский ключ, этот символ подлинного творчества. Подлинное творчество неистощимо. Писателя мы представим с его законченным творчеством в его собрании сочинений как некий органический шар, в котором, однако, даль уходит в его центр. Юмористами оказались именно сами критики, а не Чехов, как равно оказались меланхоликами те критики, которые у Чехова искали меланхолии.

Правда, есть у Чехова произведения, полные черной меланхолии, рисующие жизнь с такой неприглядной стороны, что становится жутко..., возьмем хотя бы «Мужиков».

Лакей в «Славянском базаре» Николай Чикильдеев заболел, у него ослабли ноги, он споткнулся в коридоре и упал с подносом, на котором была ветчина с горшком. Его рассчитали.

Вот он приехал домой кончать многотрудную жизнь, он человек, как-никак, а хвативший все же пусть и самой жалкой кабацкой цивилизации. Но он, войдя в родную избу – испугался: – так было там темно, тесно, нечисто... Печь покосилась, бревна в стенах лежали криво, и казалось, что изба сию минуту развалится... В переднем углу около икон были наклеены бутылочные ярлыки, обрывки из газетной бумаги, и это вместо картин... Бедность! Бедность!.. Тут же терлась глухая кошка...

На вопрос дочке этого крестьянина, вернувшегося в свой дом, на свою землю – почему кошка глухая? – немытая белоголовая девочка сказала равнодушно:

– Так. Побили.

Сурово встретила родня Николая Чикольдеева. – Не работник. Не добытчик!.. Поставили грязный, зеленый самовар, было противно пить чай и разговор был противный – нужда да болезни...

Явился к вечеру брат Кирьяк, пьяный, из трактира, который был единственным нарядным домом в деревне.

– Марья! – раздался его крик, грубый, протяжный, точно из-под земли...

Марья была жена Кирьяка.

– Вступитесь, Христа ради, родименькие! – залепетала Марья.

Заплакали все дети, сколько их ни было в избе. Чернобородый мужик Кирьяк подошел и ударил Марью по лицу... Она присела, ошеломленная ударом, и из носу у ней пошла кровь.

– И-и, – касатка! – говорила Ольга, ложась спать с плачущей Марьей, – и-и, касатка! Терпи, и все тут... В писании сказано – еще кто ударит тебя в правую щеку, подставь ему левую...

Умер наконец Николай, и жена Ольга думала думу... Нужно уходить от мужиков, а куда? Ей иногда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними страшно: – они грубы, нечестны, грязны, не трезвы, живут не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, бояться, подозревают друг друга. Кто держит кабак и спаивает народ? Мужик! Кто растрчивает и пропивает мирские, школьные, церковные деньги – мужик? Кто украл у соседа, поджег, ложно показал за бутылку водки? Кто в земских и других собраниях ратует первый против мужиков? Мужик!

И т. д. И Ольга в конце концов двинулась с дочкой «в кусочки». Дочь и жена крестьянина – она пошла в нищенки...

Этому безотрадному рассказу «Мужики» в свое время критикой было посвящено много страстных чернил... И все-таки – факт остается фактом. Верная, прямая, честная действительность...

И разве только так у мужиков? Нет, всюду так. Возьмите хотя бы рассказ «Учитель словесности», который ни что иное, как выражение умирания хорошего и решительного человека от бездеятельности провинциальной жизни. Он женился, счастлив, обеспечен, но в то же время – бежать, бежать. Бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!.. – записывает учитель Никитин в своем дневнике...

А вот священник, сельский батюшка, который не имеет даже заварки чайку дома, который тащит кренделечки со стола помещика, чтобы угостить ими свою попадейку... И этому тоже бежать?.. И «Трем сестрам» бежать? Куда же? Всем «в Москву»?

Чехов – социальный писатель высокого значения. Он развернул в своих писаниях такое напряжение общественного некультурного безустойства, которое переполняло Россию перед событиями 1905 года, что становится страшно... Огромный, энергичный, способный русский народ – стонет в тоске, мучится глухими желаниями, потугами деятельности и говорит, говорит в лице своей интеллигенции – и не знает, куда идти, что делать! А делание – и есть культура.

Есть изумительный рассказ Чехова «Дуэль» ... Где-то на Черноморском побережье Кавказа живет петербургский чиновник Лаевский с своей чужой женой Надеждой Федоровной...

Сначала был роман, и он увез ее от мужа, а потом все надоело, началось пьянство, карты, займы; и он у своего приятеля чудеснейшего армейского бурбона, добрейшей души доктора Самойленко – просит денег:

– Удрать в Петербург!

Но за ним следит сухой и четкий энтузиаст науки, геолог фон Корен. Он ненавидит таких людей, как Лаевский, он издевается над ними, мстит ему как только может. И тут же Надежда Федоровна, милое, легкомысленное и доброе существо, которое запуталось тоже в грязно-романтической цепи. Наконец между фон Кореном и Лаевским вспыхивает ссора, начинается дуэль. Вернувшись вечером накануне дуэли домой, Лаевский видит воочию, как изменяет ему его Надежда Федоровна, а кроме нее-то – у него никого и нет!.. Дуэль состоялась, окончилась благополучно, но Лаевского не узнать... И, когда осенью, в мрачный холодный и дождливый вечер, когда фон Корен уезжал – на пароход – он зашел проститься к Лаевскому и пожать ему руку.

По пути к Лаевскому фон Корену говорит милый доктор Самойленко:

– Так бедняга и не уехал никуда! А помнишь, как хлопотал!..

– Да, он сильно скрутил себя, – сказал фон Корен. Его свадьба, эта целодневская работа из-за куска хлеба, даже это новое выражение на его лице, его новая походка – это в такой степени необыкновенно!..

Значит, не уезжать надо, а надо скрутить себя, и работать, работать. В своих последних произведениях, вроде «Крыжовника», «Вишневого сада» – Чехов позволяет себе оставить этот четкий язык бесспорных образов... Он в устах своих героев влагает мысли, и какие это яркие, светлые, энергичные мысли:

– Человеку надо не три аршина земли, – говорит герой «Крыжовника». – Три аршина нужны трупу, а не человеку!.. Уходить из города, из борьбы, от житейского шума, прятаться – это не жизнь, это эгоизм, это монашество без подвига!.. Человеку нужно не три аршина земли, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог проявить все свои свойства и все особенности своего свободного духа.

И эта же гордая, смелая, решительная тенденция к созидательному творчеству, а не к бродяжничеству, не к удиранию от самих себя – куда угодно, в сон, в усадьбу, в Москву, в пьянство – проповедуется в «Вишневом саду», в этой лебединой песне Чехова. «Вишневый сад» подытоживает все его творчество.

Кто герой «Вишневого сада»? старое или молодое? Гаев, Любовь Андреевна, или Лопухин и студент Петя?

Принято считать героями первых, принято считать, что это гимн уходящей русской жизни... что же это – панихида? Нет, не панихида! «Вишневый сад» начинается в роскошное весеннее утро, когда цветет вишня, и заканчивается в

плодоносную осень под бодрые звуки топора, рубящего вишневый сад, чтобы широко развернуть возможности идущей русской жизни.

– Человечество идет вперед, – говорит студент Петя, – совершенствует свои силы. Все что недостижимо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным; только вот надо работать, надо помогать тем, кто ищет истину! У нас в России работают только немногие...

И этот напев подхватывает Лопахин:

– Иной раз, когда не спится – я думаю: – Господи, Ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и живя тут, мы сами должны были бы быть великанами!..

Не пугаться страшным образам, поднятым Гоголем, а бороться с ними – вот что учил Чехов.

И когда в далекой моей юности – пришел Чехов и показал, что героизм и подвиг не только в Америке, в Индии, не только в срыве «существующего порядка», не в опускании «на дно», а именно они имманентны самой жизни, казалось бы, такой простой и бескрасочной, но такой сильной, подлинной, настоящей русской жизни...

Литература человечества рисует нам картину, как тот или другой народ ловит свою голубую птицу Счастья, но ни у одного народа не оказывается эта птица Счастья столь близкой, как у русского народа.

Русский верит в существование Великой Правды, великой святости, великой честности с собой и с другими, верит в то, что эта правда и эта святость не там где-то, за горами за долами, за великими морями, но вот тут, здесь рядом... Потому то русское общество и тоскует той великой «чеховской тоской», что тоскует только тогда, когда чувствуют, что то, о чем тоскуют – где-то тут рядом!.. О том, что недостижимо – не тоскуют... И ни один другой народ, а только русский – не мог так хватать в своем сердце именно это великое веяние правды. И воплощение этой правды – есть русская культура.

Беззлобно, безнапорно, но сурово и прямо по существу говорил Чехов свои слова, абсолютно безропотные и нужные. Но он видел, что на этом пути культуры лежит много, очень много испытаний...

– Москва – город, которому придется много страдать! – говорит Ярцев, – глядя на утренний Алексеевский монастырь, когда они с приятелем, бессонные бредут с дач в Москву.

– Почему? – спрашивает тот.

– Так. Люблю я Москву! – отвечает Ярцев. (Три года).

Тридцать лет прошло со дня смерти Чехова, с того времени дня, как я читал отцу газету, как он положен в Новодевичьем монастыре, куда привез его из Баденвейлера вагон «для перевозки устриц»... Но не умерло дело писателя, оно растет и ширится, Чехов не умер, Чехов жив, веселый, умный, мудрый, незлобивый, Чехов – хороший хозяин, любитель садов, Чехов упорный, Чехов – мягкий и добрый врач не только тела, но и духа, который с такой ясностью и выразительностью поставил диагноз русской будущности:

– Музыка играет так весело и бодро, так хочется жить! – говорит одна из трех сестер. – О, Боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса, и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для

тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут тогда добрым словом и благословят тех, кто живет теперь.

О, милые сестры, наша жизнь еще не кончена! Мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем!